

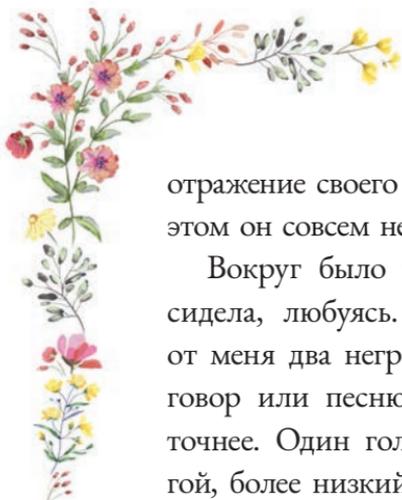
Глава первая

Дети доктора Карра

Как-то раз, не очень давно, я сидела на лугу возле маленького ручья. День был жаркий. Белые облака, словно большие лебеди, медленно проплывали по ярко-голубому небу. Прямо напротив меня были заросли зеленых камышей с темными бархатистыми колосками, а среди них — один высокий ярко-красный цветок, который склонялся над ручьем, словно желая увидеть в воде

отражение своего прекрасного лица. Но при этом он совсем не казался самовлюбленным.

Вокруг было так красиво, что я долго сидела, любуясь. Неожиданно неподалеку от меня два негромких голоса завели разговор или песню — не знаю, как назвать точнее. Один голосок был визгливый, другой, более низкий, звучал очень решительно и сердито. Они явно о чем-то спорили, снова и снова произнося одни и те же слова: «Кейти делала». — «Кейти не делала». — «Она делала». — «Она не делала». Я думаю, они повторили это не меньше сотни раз¹.

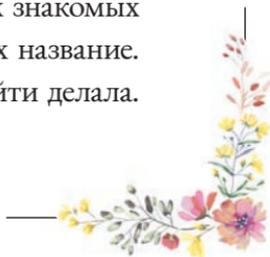
Я встала, чтобы поискать спорщиков. И действительно, на одном из камышей я обнаружила двух крошечных бледно-зеленых существ. Они, вероятно, плохо переносили солнечный свет, так как на обоих были черные очки. Каждое из существ имело по шесть ног — две короткие, две подлиннее и две очень длинные. На самых длинных

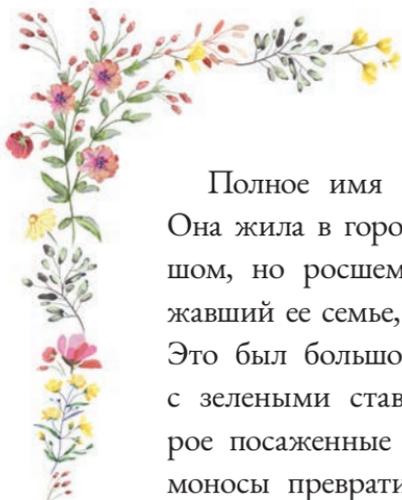
¹ Речь идет о разновидности американских кузнечиков, которая носит название «katydid», так как производит звуки, напоминающие словосочетание «Кату did», что в переводе с английского означает «Кейти делала».

ногах виднелись суставы, похожие на ресоры экипажа; пока я наблюдала, существа начали взбираться вверх по камышу, и тогда я увидела, что они передвигаются покачиваясь, точь-в-точь как старинные кабриолеты. Я даже думаю, что, не будь я такой большой, смогла бы услышать, как они скрипят на ходу. Они ничего не говорили, пока я смотрела на них, но стоило мне отвернуться, как они снова начали ссориться, произнося все те же слова: «Кейти делала». — «Кейти не делала». — «Она делала». — «Она не делала». — «Она делала».

По дороге домой я задумалась о другой Кейти — о Кейти, которую я когда-то знала и которая хотела сделать много замечательного, но потом делала не то, что собиралась, а нечто совершенно другое — нечто такое, что сначала ей совсем не нравилось, но в конечном счете оказывалось гораздо лучше всего того, о чем она мечтала. И пока я шла и думала, в голове у меня сложилась небольшая история, и я решила записать ее для вас. А в память о моих двух маленьких знакомых на камыше я дала этой истории их название. Вот оно — история о том, что Кейти делала.

Полное имя Кейти было Кейти Карр. Она жила в городке Бернет, не очень большим, но росшем быстро. Дом, принадлежавший ее семье, стоял на окраине городка. Это был большой массивный дом, белый, с зелеными ставнями и крыльцом, которое посаженные рядом с ним розы и ломоносы превратили в настоящую беседку. Четыре высоких куста акации затеняли усыпанную гравием дорожку, что вела к воротам. С одной стороны от дома располагался сад; с другой — поленницы, амбары и ледник. За домом находился огород, отлого спускавшийся к югу, за ним — пастбище, а на нем — ручей, несколько ореховых деревьев и четыре коровы — две рыжие, одна желтая, с острыми рогами в жестяных наконечниках, и еще одна — хорошенькая, маленькая, беленькая — по кличке Маргаритка.

В семье Карров росло шесть детей — четыре девочки и два мальчика. Кейти, самой старшей, было двенадцать; маленькому Филу, самому младшему, — четыре.

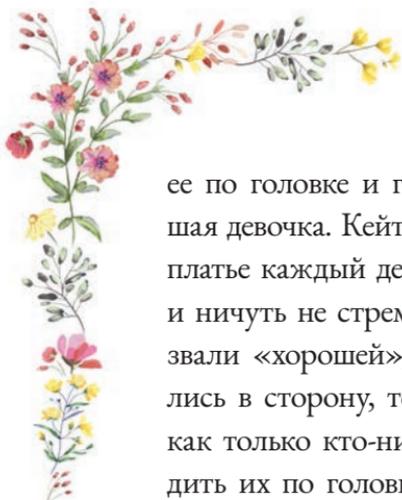
Доктор Карр, их папа, милый, добрый очень занятой человек, отсутствовал дома

целыми днями, а иногда и ночами, так как должен был посещать больных. Мама умерла, когда Фил был еще младенцем — за четыре года до начала моей истории. Кейти помнила маму довольно хорошо; для остальных же это было лишь печальное и дорогое имя, произносимое по воскресеньям и во время молитвы или еще тогда, когда папа был особенно ласковым и серьезным.

Маму, которую дети помнили так смутно, им заменила тетя Иззи, папина сестра. Она приехала, чтобы заботиться о них, когда мама отправилась в то долгое путешествие, из которого, как в течение многих месяцев продолжали надеяться малыши, ей, возможно, еще предстояло вернуться. Тетя Иззи была маленького роста, худая, с резкими чертами лица, довольно старая на вид и очень аккуратная и требовательная во всем. Она стремилась быть доброй с детьми, но те все время ставили ее в тупик тем, что ни капельки не походили на ту маленькую девочку, какой сама она была в детстве. А была она кроткой, неизменно опрятной и любила сидеть в гостиной и шить длинные швы. Ей нравилось, когда старшие гладили

ее по головке и говорили ей, что она хорошая девочка. Кейти же умудрялась рвать свое платье каждый день, шитья терпеть не могла и ничуть не стремилась к тому, чтобы ее назвали «хорошей», а Кlover и Элси шарахались в сторону, точно норовистые лошадки, как только кто-нибудь делал попытку погладить их по головке. Это весьма озадачивало тетю Иззи, и ей было нелегко полностью простить детям то, что они такие «странные» и так не похожи на хороших мальчиков и девочек, которых она помнила по воскресной школе своего детства и которые были для нее самыми приятными и понятными детьми.

Да и сам доктор Карр тоже огорчал тетю Иззи. Он хотел, чтобы дети росли смелыми и выносливыми, и поощрял их лазить по деревьям и предаваться буйным играм, несмотря на то что это приводило к шишкам и рваным платьям. Лишь полчаса в течение всего дня тетя Иззи чувствовала, что вполне довольна своими подопечными. Это были полчаса перед завтраком, когда, по заведенному ею порядку, они все сидели на своих стульчиках и учили очередной стих

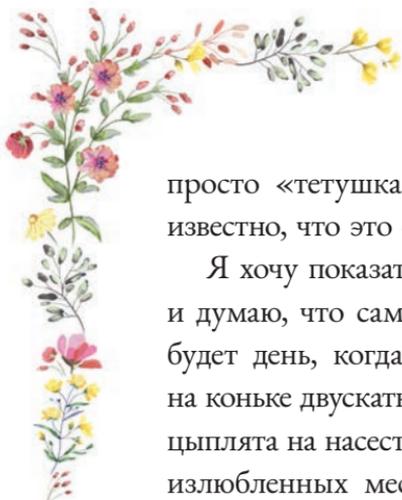

из Библии. В это время она смотрела на них с улыбкой удовлетворения: они были такие безукоризненно опрятные, в таких чистеньких курточках и платьицах, с такими аккуратно причесанными волосами. Но как только раздавался звонок к завтраку, радости тети Иззи приходил конец. С этой минуты на детей, по ее словам, было «страшно смотреть». Соседи очень ее жалели. Утром каждого понедельника они насчитывали по тридцать белых панталончиков, развешанных на просушку, и говорили друг другу, какая куча стирки с этих детей и как, должно быть, приходится трудиться бедной мисс Карр, чтобы дети всегда ходили чистыми и опрятными. Но бедная мисс Карр совсем не считала, что дети опрятные, — и это было хуже всего!

— Кlover, пойдй наверх и вымой руки! Дорри, подними с пола свою шляпу и повесь ее на крючок! Не на этот — на третий от угла!

Такого рода замечания тетя Иззи делала целыми днями. Дети слушались довольно охотно, но, боюсь, не очень любили ее. Они всегда называли ее «тетя Иззи» и никогда —

просто «тетушка». Мальчикам и девочкам известно, что это означает.

Я хочу показать вам детей доктора Карра и думаю, что самым подходящим для этого будет день, когда пять из шести восседали на коньке двускатной крыши ледника, словно цыплята на насесте. Ледник был одним из их излюбленных мест. Он представлял собой просто низкую двускатную крышу над ямой в земле, и так как располагался посередине двора, детям всегда казалось, что самый короткий путь куда бы то ни было проходит вверх по одному скату и вниз по другому. Они также любили взбираться на коньковый брус и сидя съезжать оттуда вниз по нагретым солнцем доскам. Это, конечно, плохо отражалось на их туфлях, платяницах и брючках, но что из того? И туфли, и брючки, и вообще одежда были делом тети Иззи, а их делом было съезжать с крыши и радоваться.

Кlover, самая старшая после Кейти, сидела посередине. Это была невысокая, пухленькая и беленькая девчушка с толстыми светло-каштановыми косичками и близорукими голубыми глазами, в которых, казалось,

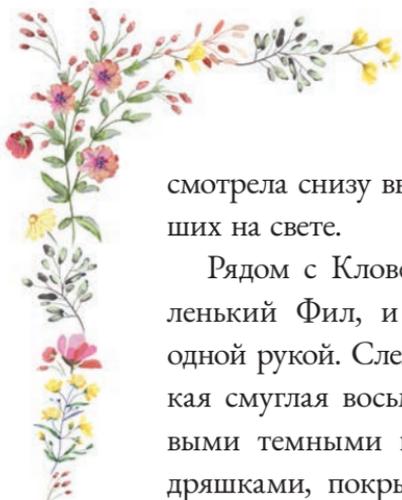

всегда стояли готовые вот-вот пролиться слезы.

На самом деле Кlover была очень даже веселой девочкой, но эти печальные глаза и нежный, воркующий голосок всегда заставляли окружающих жалеть ее, ласкать и во всем вставать на ее сторону. Однажды, еще в раннем детстве, она схватила куклу Кейти и бросилась бежать, а когда Кейти догнала ее и попыталась отнять куклу, Кlover вцепилась в куклу изо всех сил и не пожелала отдать. Доктор Карр, который не особенно вник в происходящее и лишь слышал жалобный голосок Кlover: «Не отдам! Моя кукла!», крикнул резко и повелительно, даже не выясняя, в чем дело: «Как тебе не стыдно, Кейти! Сейчас же дай ей ее куклу!» Удивленная Кейти подчинилась, а Кlover с торжеством замурлыкала, словно довольный котенок. Кlover была жизнерадостной, с мягким характером, немного ленивой, очень скромной, несмотря на то что ловкостью превосходила остальных во всех играх, и по-своему чрезвычайно озорной и забавной. Все любили ее, и она любила всех, а особенно Кейти, на которую

смотрела снизу вверх, как на одну из умнейших на свете.

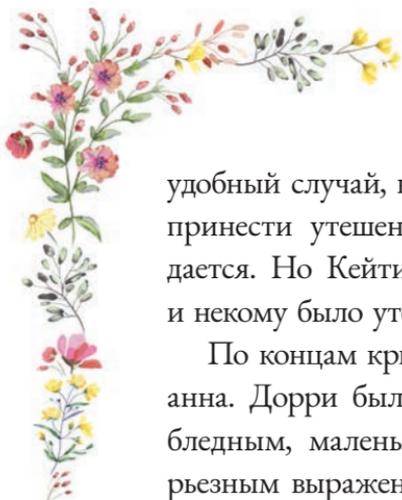
Рядом с Кlover сидел хорошенький маленький Фил, и она крепко держала его одной рукой. Следующей была Элси, худенькая смуглая восьмилетняя девочка с красивыми темными глазами и короткими кудряшками, покрывавшими всю ее головку. Бедная маленькая Элси была «непарной» среди детей доктора Карра. Она, казалось, не принадлежала ни к старшим, ни к младшим. Ее заветной мечтой было ходить повсюду вместе с Кейти, Кlover и Сиси Холл, знать обо всех их секретах и обмениваться с ними записочками через маленький «почтовый ящик», который они устанавливали во всевозможных потайных местах. Но старшим не нужна была Элси, и они вечно говорили ей: «Беги, поиграй с маленькими», что глубоко обижало ее. Если же она не уходила, то, как мне ни грустно об этом говорить, они убегали от нее, что было совсем нетрудно, ведь ноги у них были длиннее. Оставшись в одиночестве, бедная Элси заливалась слезами, а так как гордость не позволяла ей слишком часто играть с Дорри

и Джонни, главной ее утехой было выслеживать старших и раскрывать их тайны, в особенности отыскивать «почтовый ящик», существование которого вызывало у нее наибольшую досаду. Глаза у Элси были быстрые и зоркие, как у птички. Она подглядывала и заглядывала, выслеживала и наблюдала, пока наконец в каком-нибудь странном, совершенно невероятном месте — в развилке дерева, посредине грядки со спаржей или на самой верхней ступеньке подвала — не находила маленькую картонную коробку, полную записочек, каждая из которых заканчивалась словами: «Смотри, чтобы Элси не узнала». Тогда она хватала коробку, решительно направлялась к остальным и, швырнув ее на пол, с вызовом говорила: «Вот ваш дурацкий почтовый ящик!», но при этом ей все время хотелось плакать. Бедная Элси! Почти в каждой большой семье есть такой одинокий, не имеющий товарища ребенок. Кейти, которая всегда строила прекраснейшие планы в надежде совершить что-нибудь «героическое» и полезное, никогда не замечала, беспечно и равнодушно проходя мимо, что здесь представляется ей тот самый

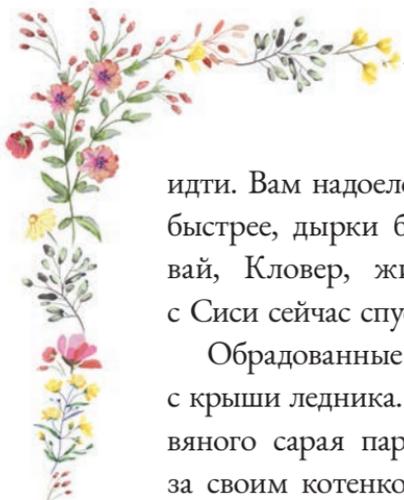

удобный случай, которого она так искала, — принести утешение тому, кто в нем нуждается. Но Кейти никогда этого не видела, и некому было утешить Элси.

По концам крыши сидели Дорри и Джоанна. Дорри был шестилетним мальчиком, бледным, маленьким и толстеньким, с серьезным выражением лица и запачканными патокой рукавами курточки, а Джоанна, которую остальные называли «Джон» или «Джонни», — крепкой коренастой девочкой, на год младше Дорри; ее большие глаза смотрели решительно, а широкий ярко-розовый рот всегда был готов растянуться в еще более широкой улыбке. Эти двое были большими друзьями, хотя Дорри выглядел как девочка, по ошибке надевшая костюм мальчика, а Джонни — как мальчик, который для смеха позаимствовал платье у сестры. И вот, когда все они сидели там, болтая и смеясь, послышался радостный крик, окно наверху отворилось, и в нем появилась Кейти. В руке она держала десяток чулок и с торжеством размахивала ими.

— Ура! — закричала она. — Все заштопано, и тетя Иззи говорит, что мы можем

идти. Вам надоело ждать? Я никак не могла быстрее, дырки были та-кие большие. Давай, Кlover, живо, собирай вещи! Мы с Сиси сейчас спустимся.

Обрадованные дети вскочили и съехали с крыши ледника. Кlover притащила из дровяного сарая пару корзин. Элси побежала за своим котенком. Дорри и Джон приволокли два огромных пука зеленых сучьев. Как раз тогда, когда все были готовы, хлопнула боковая дверь и во двор вышли Кейти и Сиси Холл.

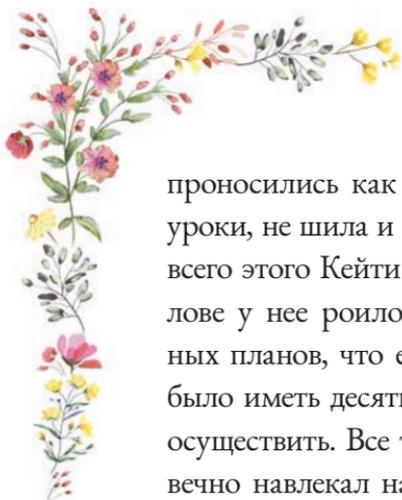
Я должна рассказать вам о Сиси. Она жила в соседнем доме и дружила с детьми доктора Карра. Дворы двух домов разделяла лишь живая изгородь, так что Сиси проводила две трети всего времени у соседей, где стала почти членом семьи. Это была чистенькая и нарядная девочка, со скромными и сдержанными манерами, беленькая, румяная, со светлыми блестящими волосами, которые всегда оставались прилизанными, и изящными ручками, которые никогда не становились грязными. Как отличалась от нее моя бедная Кейти! Волосы у Кейти вечно были растрепаны,

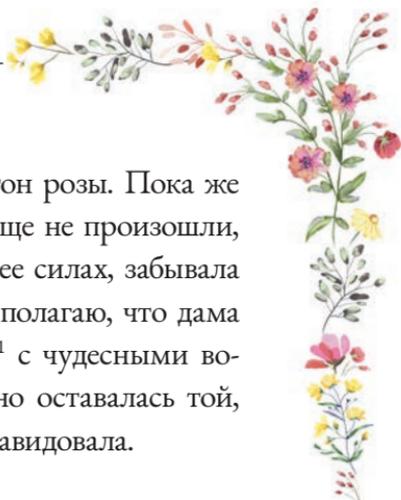
платья всегда «сами» цеплялись за гвозди и рвались, и, несмотря на свой возраст и рост, она была легкомысленной и простодушной, как шестилетний ребенок. Более долговязой девочки, чем Кейти, свет не видывал. Как она умудрялась расти с такой скоростью, никто не знал; но она уже была папе до уха и на полголовы выше тети Иззи. Каждый раз, когда ей случалось задуматься о своем росте, она становилась неуклюжей и ей казалось, что вся она состоит из коленей, локтей, углов и выступов. К счастью, в голове у нее было столько всяких других мыслей, планов, идей и фантазий, что она редко находила время, чтобы вспомнить, какая она высокая. При всей своей невнимательности и беспечности Кейти была доброй, отзывчивой девочкой и каждую неделю принимала множество похвальных решений, но, к сожалению, никогда не следовала ни одному из них. Иногда она вдруг вспоминала о своей ответственности перед младшими братьями и сестрами и у нее появлялось горячее желание подать им хороший пример, но возможность подать его чаще всего представлялась тогда, когда она об этом уже забывала. Дни у Кейти

проносились как вихрь; когда она не учила уроки, не шила и не штопала с тетей Иззи — всего этого Кейти ужасно не любила, — в голове у нее роилось так много восхитительных планов, что единственным ее желанием было иметь десять пар рук, чтобы эти планы осуществить. Все тот же изобретательный ум вечно навлекал на нее всевозможные неприятности. Она любила строить воздушные замки и мечтать о том времени, когда она что-нибудь совершит, станет знаменитой и каждый услышит о ней и захочет с ней познакомиться. Ей так и не удалось решить, какой именно чудесный подвиг принесет ей славу, но, размышляя об этом, она часто забывала выучить урок или зашнуровать ботинки, за что получала плохую отметку или нагоняй от тети Иззи. В такие минуты она утешалась тем, что строила новые планы — постепенно стать красивой, всеми любимой и кроткой, как ангел. Для достижения этой цели многое должно было измениться в ней. Ее черным глазам предстояло стать голубыми, носу — удлиниться и выпрямиться, а ее рту, слишком большому, чтобы он мог годиться для лица героини, — превратиться

в нечто напоминающее бутон розы. Пока же эти чарующие изменения еще не произошли, она, насколько это было в ее силах, забывала о своей внешности, хотя я полагаю, что дама на этикетке «Tricorferous»¹ с чудесными волосами до земли неизменно оставалась той, кому Кейти больше всего завидовала.

¹ Средство, ускоряющее рост волос.

Глава вторая

Рай

Место, куда направлялись дети, представляло собой густую рощицу в нижней, топкой части поля, неподалеку от дома. Рощица не была большой, но казалась такой из-за того, что деревья и кусты росли очень близко друг к другу и было не видно, где рощица кончается. Зимой, когда земля была сырой и болотистой, никто не ходил туда, кроме коров, которые не боялись промо-

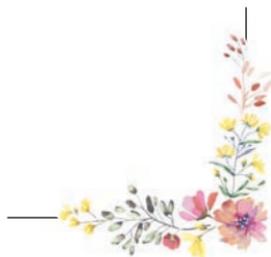

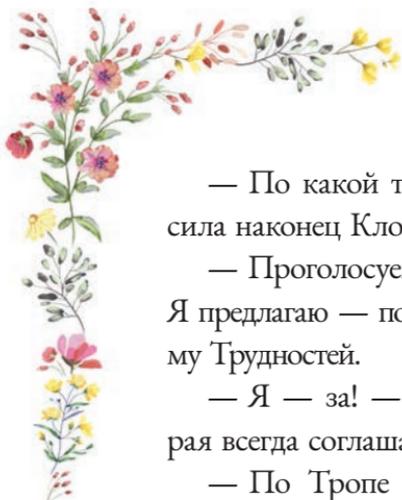

чить ноги; но летом почва просыхала и все становилось зеленым, свежим, полным ма-
нящих чудес — диких роз, сассафраса¹,
птичьих гнезд. Узкие извилистые тропин-
ки, протоптанные бродившими здесь ко-
ровами, вели во всех направлениях. Дети
называли эту рощицу Раем, и она казалась
им не менее неизведанной, бесконечной,
обещающей множество приключений, чем
какой-нибудь волшебный лес в сказочной
стране.

Путь в Рай проходил через несколько де-
ревянных изгородей. Кейти и Сиси преодо-
левали их, прыгая с разбега, а младшим при-
ходилось пролезать под брусьями. Оставив
изгороди позади, дети оказались в откры-
том поле и, с общего согласия, пустились бе-
жать, пока не достигли опушки рощи. Там
они остановились и неуверенно перегляну-
лись. Входить в Рай в первый раз после дол-
гой зимы всегда было необыкновенно инте-
ресно. Кто знает, что могли натворить здесь
феи за то время, пока никто из детей сюда
не заглядывал.

¹ Сассафрас — американский лавр.

— По какой тропинке пойдем? — спросила наконец Кlover.

— Проголосуем, — сказала Кейти. — Я предлагаю — по Тропе Пилигримов к Холму Трудностей.

— Я — за! — поддержала Кlover, которая всегда соглашалась с Кейти.

— По Тропе Покоя тоже было бы неплохо, — заметила Сиси.

— Нет, нет! Мы хотим по Сассафрасовой Тропе! — закричали Джон и Дорри.

Однако Кейти, как всегда, настояла на своем. Было решено, что они пойдут по Тропе Пилигримов, а потом тщательно обследуют все свое маленькое королевство и посмотрят, что изменилось с тех пор, как они были в нем в последний раз. После этого они наконец вступили в рощу. Кейти и Сиси возглавляли процессию, а Дорри, волочивший за собой огромный пук веток, замыкал шествие.

— Ах, вот и милый Розовый Букет! Он цел! — закричали дети, когда добрались до вершины Холма Трудностей и увидели высокий пенёк, из середины которого рос куст дикой розы, уже покрывшийся моло-

денькими зелеными листиками. Этот Розовый Букет обладал для детей волшебной притягательной силой. Они сочиняли о нем все новые истории и вечно боялись, как бы какая-нибудь проголодавшаяся корова не прельстилась их любимым розовым кустом и не съела его.

— Да, он цел, — сказала Кейти, глядя пальцем один из листиков, — хотя в одну из зимних ночей ему грозила большая опасность. Но он был спасен.

— О! Как это было? Расскажи! — закричали остальные, так как Кейти славилась в семье своими историями.

— Это произошло накануне Рождества, — продолжила Кейти таинственным тоном. — Фея нашего Розового Букета заболела. У нее начался ужасный насморк, и фея вон того тополя сказала ей, что чай из сассафраса хорошо помогает при простуде. И вот она выпила большую чашку этого чая — чашка была сделана из шапочки желудя, — а потом уютно улеглась в темной и густой чаще леса и заснула. А в полночь, когда она сладко посапывала во сне, в лесу раздался топот. Это мчался страшный черный бык с горящими

